

ПАМЯТЬ СМЕРТНАЯ КАК ТВОРЧЕСТВО В ХРИСТИАНСКОМ ПОДВИГЕ

Аннотация

Православное подвижничество хранит уникальный духовный опыт, опыт личностной трансформации и духовного восхождения. Подвиг юродства – один из самых парадоксальных и табуированных, хранит информацию о способах личностного определения по отношению к смерти, формирования бытийной ответственности и преодоления релятивизма, способах влияния на культурный код и преодоления греха.

Ключевые слова: юродство, эсхатология, покаяние, память смертная, культурный код.

Подвиг – образ действий и жизни христианина, направляемый к достижению христианских совершенств: воздержания, смирения, самоотречения, духовной борьбы и бесстрастия. Христианский подвиг – элемент антропологических и онтологических представлений. «Состояние подвига онтологическое по своей сути. Подвиг – определенная бытийная стратегия, направленная на аутотрансформацию, Спасение и достижение личностного бытия»¹. Центральный предмет подвига внутренний и бытийный опыт богообщения. Творческая потенция подвига заключается в бытийном статусе твари, как тварном падшем, так и в преодолении конечности тварного существования, ибо человеческому сознанию присуще неприятие смерти, фундаментальное стремление к ее преодолению. В творческой энергичности подвига рождается эсхатология

подвига, раскрывающаяся, в первую очередь, в покаянных смыслах: сокрушения, страха Божьего и памяти смертной. Покаяние – неотъемлемое условие, первая ступень духовной лестницы, врата перед восхождением на пути обретения Спасения. Покаянные смыслы формируют пространство эсхатологических значений: искупления, страшного суда и загробной жизни. Мы рассмотрим вопрос об особенностях формирования памяти смертной в творчестве православного юродства и влияния на творение личной эсхатологии.

Психология подвижничества, включающая осознание ситуации тварного падшего, установку на Спасение и практику Богообщения, определяет память смертную как основную установку покаяния, условие формирования эсхатологических смыслов. Память смертная – основа мировидения христианина, русского православного человека на протяжении тысячелетия. «Подвижник опытно познает сосредоточение ума на Богомыслии, и тогда память смертная помогает ему думать о пос-

¹ С.С.Хоружий. Исследования по исихастской традиции. СПб., 2012.С. 48.

леднем дне, подлинно умалиться в бесконечном усилии любви, обрести страх Божий»².

«Память о смерти» (μνήμη θανάτου) является важным аспектом подвижничества. Речь идет об основной аскетической практике, состоящей в том, что человек постоянно помнит, что он смертен и его смерть может наступить в любое мгновение. «Память о смерти» должна помочь человеку не тратить зря драгоценное для спасения время, дорожа временем, по слову апостола (Еф 5, 16), и жить так каждое мгновение с максимальной духовной интенсивностью, избегать греха, исполнять Божественные заповеди и полностью возлагать свою надежду на Бога. «Память о смерти» особенно действенна против уныния, поскольку последнее является состоянием духовной нерадивости, летаргии, лени, делает человека пренебрежительным к своему спасению, толкает его к празднодействию. Преподобный Антоний Великий учит: «А для того, чтобы не лениться, хорошо содержать в мысли апостольское изречение: По вся дни умираю» (1 Кор 15:31). Ибо, если будем жить, как ежедневно готовящиеся умереть, то не согрешим. Сказанное же апостолом имеет тот смысл, что мы каждый день, пробуждаясь от сна, должны думать, что не доживем до вечера, и также, засыпая, должны представлять, что не пробудимся от сна»³. Исследования показывают, что в смысловом пространстве «памяти смертной» хранится информация о способах личностного определения по отношению к смерти, формирования бытийной ответственности и преодоления релятивизма, способах влияния на культурный код и преодоления греха.

Память смертную проповедует православное подвижничество, в частности юродство – один из самых парадоксальных религиозных феноменов, информация о котором во многом сакральна и табуирована по сей день. Каким же образом приходит подвижник к проповеди? Через личный опыт «духовного движения». Агиографический материал позволяет выявить смысловые поля феномена юродства, определить пути и способы трансляции и преобразования в творчестве подвига ментальных смыслов. Анализ житийных

текстов, основных источников материала о юродстве, позволяет определить ведущий мотив в структуре подвига юродивого – это мотив смерти. Смерть в повседневном, обыденном, что потом в трудах подвижнических преобразуется в память смертную. Мотив раскрывается в параллельных дискурсах сакрального и мирского начала.

Исследования феномена юродства как социального показывают, что юродивый приходит к выбору пути подвижнического в результате ряда стрессовых переживаний, самым распространенным среди которых становится смерть родственников, родителей, отца или матери. Герой отказывается от имени, социального статуса, дома и семьи. Демонстрация мнимого безумия обрывает последние связи с окружающими. Содержание понятия смерти в подвиге претерпевает наполнение энергией и семантически расширяется. *Смерть в повседневном, профанном для жизни в ином.* Это становится условием вхождения в подвиг.

В сакральном пространстве параллельно мы наблюдаем смерть ритуальную, похоронный обряд по христианскому канону. Объединяет два начала идея жертвы. Именно в этом пространстве от мирской жертвенности как поведенческой характеристики до искупления крестной жертвой Христа развернется процесс преобразования памяти о смерти в стратегию памяти смертной.

В сакральном обряде, обретая Встречу с Богом и Божественным, юродивый вступает в евхаристичные отношения. В реакции сознания юродивого смысловое пространство понятия смерти кодируется и преобразуется. Память о смерти, направленная в прошлое к конечности бытия тварного, обретает иные темпоральные характеристики, обращается к будущему и жизни вечной. Юродивый в коммуникации открывает профанному человеку пространство евхаристии, становящиеся в социальном мире пространством кодификации и обретения идентичности. Смерть для мира становится жертвой смирения. В покаянии обретает характеристики памяти смертной.

Мотив смерти находит свое выражение в образе юродивого, в котором также соединяется сакральное и мирское. Внешний вид юрода, костюмированность или обнаженность, детали фигуры, скрытость лица, босоноготь, судорожное бормотание в сочетании с надрытым

² О.Иоанн (Маслов). Глинская пустынь. М., 1999. С. 99.

³ Житие Св. Антония. М., 2006., С. 31.

жестом говорят не просто о табуированности, но о смертоносности. Так происходит стигматизация, выражающаяся в нанесении стигмы – знака отвержения. Ибо, только отвергнув мир, подвижник мог в наибольшей степени посвятить себя Христу, стремясь обрести идентификацию в подобию. Стигматизация одновременно формирует социальные стереотипы, предубеждение окружающих, негативные ассоциации с позорным, отталкивающим зрелищем. Процесс стигматизации имеет как социальные, так и сакральные истоки. Блаж. Феодорит в 4 веке пишет: «Он (Бог) направил к тому, чтобы необычайностью привлечь всех к зрелищу и сделать для них более убедительным урок, который им предложен. Известно, что новость зрелища бывает надежнейшим проводником учения, и приходящий посмотреть на зрелище, возвращается со стяжанием ведения Божественного»⁴. Современные процессы в социальном позволяют говорить о двойственности стигматизации. Показывая знаки «испорченности», «порчи», собственной испорченной идентичности, юродивый провоцирует окружающих на продолжение нанесения стигм в попытке управления этой идентичностью. По мнению И.Гофмана «стигма указывает на постыдный статус индивида как такового»⁵. Перверсивные реакции, возникающие в результате аффективных переживаний, способствуют переносу значения – нанося стигмы юроду, обыватель пытается управлять собственной идентичностью. Приходит осознание ее недостаточности, искаженности в грехе, а вместе с этим надежда на обретение истинной полноты идентичности личности, целостности, а значит Спасения. Стигматы юрода обращают их свидетеля к покаянию и памяти смертной. Еще один вопрос в связи со стигматизацией – это вопрос о десакрализации, которая происходит в зависимости от нарастания энергии социальной стигматизации, что свойственно современным процессам. Именно в процессе перехода

от сакрального к десакрализации происходит раскачивание системы, нарушение равновесия и устойчивости, потрясения, которые и необходимы для изменения в структурах сознания, психосоматики, трансформация личности, что является неотъемлемым условием духовного восхождения в подвижничестве.

Смерть – важный архаический элемент в структуре подвига юродства. Мотив смерти имеет архетипическое происхождение. Смерть необходима в той мере, в какой она скрывает повседневное в человеке и обнаруживает иное. Вследствие трансформации прежнего смыслового уровня подвижник приобретает силу и сверхдолжные способности. Но одновременно воспринимается как табуированная фигура. Он соединяется в архетипическом сознании с образом мертвеца, так как связан с потусторонним. Контакт с ним может привести коммуникатора к роковым последствиям, к разрыву его онтологии. Так в образе «носящего смерть» возникает ритуальная фигура юродивого, через которую проявляется сакральное начало.

Подвижник становится самовольным мертвецом, добровольно умирающим в духовных подвигах. Коммуникативное пространство вокруг юрода сжимается и искажается. Связь становится односторонней, окружающие пытаются установить контакт, герой устраняется от любых контактов либо отношений, провоцируя этим всех вокруг, вызывая реакцию, взрыв, скандал. Провокация тем сильнее, чем слабее коммуникация. В коммуникации с юродивым активизируются защитные механизмы, архетипическая память способствует формированию памяти смертной и росту эсхатологического напряжения. Коммуникация с юродом исключительно затруднена. Со стороны возможного коммуникатора препятствием становятся защитные психические реакции, на уровне глубинного подсознания, чувство страха и ужаса, фрустрация плохо управляемые сознанием и контролируемые самой личностью, со стороны юродивого выбор объекта коммуникации связан практически только с провидением души человеческой, необходимостью уличения в грехе, внутренним видением, обретенным силой Благодати Божией. Но результат сложнейшей коммуникации обретение памяти смертной, а значит влечения души к покаянию, надежды на Бо-

⁴ Блаженный Феодорит. История боголюбцев. СПб., 1898. С. 41.

⁵ Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1. Стигма и социальная идентичность. // Русский социологический форум. – №1-4. – 2000 // Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/17687311/>

гообщение, и Спасение в жизни вечной. Архиепископ Антоний пишет: «Целостное восприятие памяти и надежды наделяет совершенно конкретным смыслом мораль, устанавливает этические ориентиры и вдохновляет человека к нравственному совершенствованию. Однако наше время характеризуется фатальным разрывом этих скреп сознания. Не имея памяти, надежда приобретает деструктивный характер. Разрыв памяти и надежды на уровне сознания придает ему дробный характер, тогда как в Новом Завете происходит преодоление дискретности памяти, преобразование памяти до степени надежды»⁶.

Образ смерти, воплощенный в юродстве, наделен большим энергетическим потенциалом, оказывает сильное эмоциональное воздействие, создавая таким образом условия для импринтинга – эмоционального запечатления и фиксации в ментальном. Опыт подвига юродивого фиксируется в культурном коде. Архетип *salosa*-юрода один из старейших хранителей культурной информации. Ментальные

связи активизируют бинарную пару «жизнь-смерть», определяя доминанту коммуникации в оппозиции двух понятий. Представления и верования, фиксируемые религиозным сознанием, конституируют коды, позволяющие обеспечить обратимость сообщений. Так смысловое пространство смерти наполняется напряжением религиозной интенции, в преображении становится памятью смертной, дающей надежду на жизнь покаянную, формируя модель поведения, основанную на приемах выживания.

Христианская ментальность, включаясь в процесс активизации пары «жизнь/смерть», развивает смысловое преобразование. Дуальная оппозиция жизни рассматривается в обозначенной парадигме не как жизнь-смерть, а как жизнь временная и жизнь вечная. Данная идея включает целый комплекс тем – пути к спасению, раскаяния, покаяния, смирения, обретения Вечной жизни со Христом. Формируется модель поведения, ценностная среда которой связана с христианскими понятиями греха и покаяния, Спасения и вечной жизни.

⁶ Антоний арх. Успенские чтения. Приветствие. Киев., 2010. С. 14.

Nadezda Z. Gayevskaya. Memory of death as a creation in the Christian ascetism

Summary

Orthodox asceticism keeps a unique spiritual experience, the experience of personal transformation and ataraxia. Foolishness for Christ as one of the most paradoxical and tabu endeavors keeps information about the ways of personal identification in relation to death, the ways to form the existential responsibility and overcome relativism, to influence the cultural code and overcome sin.

Keywords: foolishness for Christ, eschatology, repentance, memory of death, cultural code.